

ТРУД ДУШИ ЧЕЛОВЕКА КАК СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОДА
В РОМАНАХ В. ШАРОВА

И. В. Ащеулова

WORK OF PERSON'S SOUL AS PRESERVATION OF FAMILY'S HISTORICAL MEMORY
IN V. SHAROV'S NOVELS

I. V. Asheulova

В статье на примере псевдоисторических постмодернистских романов современного писателя В. Шарова рассматривается интеллектуально-духовный личностный процесс по собиранию и сохранению свидетельств и документов существования отдельно взятого рода в бесконечно-хаотическом движении русской истории. Анализ поэтики романов обнаруживает в художественной картине мира Шарова развитие мотива обретения человеком памяти о прошлом как важнейшем духовном импульсе движения истории.

The paper addresses the example of pseudo-historical postmodern novels by the modern writer V. Sharov to consider the intellectual and spiritual personality process of collecting and preserving evidence and documents the existence of a particular family in the infinite chaotic movement of Russian history. What the analysis of the novels' poetics discovers in the Sharov's artistic world picture is the development of the motive of a person's gaining memory of the past as the most important spiritual momentum of the movement of history.

Ключевые слова: труд, мотив памяти, постмодернизм, псевдоистория, В. Шаров.

Keywords: work, motive of memory, postmodernism, pseudohistory, V. Sharov.

Труд как деятельность человека занимает особое место в структуре любого социума, будь то общество XVIII, XIX века или современное общество XXI века. Труд наряду со здоровьем, семьей входит в число главных социальных и ценностных приоритетов человека. Труд неразрывно связан с историей и традициями того или иного государства, что позволяет последнему определять сущностно-необходимые жизненные приоритеты: социальную и экономическую структуры, механизмы власти, ценностную шкалу. «Труд выступает как универсальная категория, охватывающая все стороны сугубо человеческой деятельности, являясь фактором самосозидания личности. Поэтому философское осмысление процесса труда и включение его в систему антропосоциального происхождения и существования человека позволяет рассматривать его не только как предметную деятельность, отождествленную с вещественностью, но и как процесс творения субъектом своей социальной и индивидуальной субъектности» [3, с. 3]. Труд как философская и этическая категория воспринята человеком в нескольких аспектах. В различного рода философских словарях первый аспект отношения человека к труду связывается с преобразованием им природы посредством труда. Об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс. С другой стороны, труд – это и целесообразная деятельность, и предмет труда, и средства труда, и результат. С третьей стороны, труд – исторический процесс [9, с. 490]. Философский аспект категории «труд» впервые выявил Г. В. Ф. Гегель, рассмотрев его как предметную деятельность сознания. Труд выступает условием самосовершенствования человека на протяжении всей его жизнедеятельности, т. е. по Гегелю, трудовая деятельность связана с умственными, интеллектуальными процессами в сознании человека, это не столько грубое физическое усилие, сколько сознательный «мозговой штурм», позволяющий индивиду саморазвиваться. Особенно важна в этом отношении

незавершенная работа «Система нравственности» (1802 – 1803). Здесь Гегель говорит о труде как о сфере совпадения противоположностей, тождества субъекта и объекта, в работе философ выдвигает нравственное содержание труда, «реальную разумность труда», «...целостность труда есть совершенная индивидуальность и тем самым равенство противоположений, в котором отношение полагается и снимается, происходит во времени, являя все мгновения, и, согласно сказанному выше, обращается в противоположное; всеобщее взаимодействие и образование людей; их абсолютное равенство находится здесь также во внутреннем...» [2].

В дальнейшем философия приходит к мысли о труде как ежедневной потребности человека ради самого труда, в этом случае человек переходит на новую ступень развития. Разделение труда на физический и умственный обусловлено сознательным выбором цели и программы своей индивидуальной деятельности, который делает сам человек. В марксистско-ленинской философии разделение труда на физический и умственный непосредственно связывалось с расслоением общества на классы, отчасти это верно и закономерно, но в дальнейшем развитии производительных сил общества высоко квалифицированный физический труд связан и с умственной деятельностью, что сближает две разновидности труда и позволяет индивиду гордиться своим трудом.

В более поздней философии второй половины XX века понятие труда разрастается и получает новую смысловую направленность. Так, немецкий философ, специалист по политической философии, ученица К. Ясперса, Ханна Арендт считала, что активность человеческой жизни зависит от четырех категорий, входящих в понятие *труд*. Во-первых, труд и работа; во-вторых, создание и изготовление; в-третьих, поступок и действие и, в-четвертых, мышление, чистое теоретизирование, через слово вопло-

щающееся в художественном произведении. В подобном членении можно заметить широту понимания человеческой жизни и человеческой деятельности. Например, Арндт разграничивает мысль и познание. «Мысль, составляющая для художественного творчества внеположенный ему источник, проявляется непосредственно во всякой великой философии, тогда как познание, добывающее знание, собирающее и упорядочивающее все познанное, оседает в науках. Познание преследует всегда определенную цель, <...> с достижением цели процесс познания приходит к концу. Напротив, мысль не имеет ни цели, ни назначения вне самой себя, от нее нельзя дожидаться результатов» [1, с. 221]. Но при всем различии и мысль, и познание есть разновидности интеллектуального труда, в результате которого создается некий духовный продукт, потребляемый наукой, историей, обществом. В этом смысле особой разновидностью умственного труда может быть труд сознания индивида, труд памяти, души по восстановлению исторической истины, преемственности, связи поколений. Труд как исторический процесс, т. е. категория, развивающаяся в истории-времени, преобразует не только природу и человека, но и историю. Процесс формирования истории, собирания ее фактов, событий, очевидцев, исторического архива также может быть воспринят в качестве интеллектуально-духовного труда. Об этом писал другой философ и историк второй половины XX века Л. Февр в статье «Труд: эволюция слова и понятия» [8]. Являясь основателем (наряду с М. Блоком) журнала «Анналы», Февр предлагал пересмотреть методологические подходы к изучению истории и рассматривать не только документы, но многообразный контекст: свидетельства, мемуары, торговые счета, экономические, политические, религиозные факторы, заметки и записки очевидцев. Труд в этом смысле становится элементом контекста, частью исторической жизни. В статье Февр исследовал этимологию слова труд в разных языках, отмечая семантику «мучение, унижение, забота», и исторически процесс труда связан только с тяжелейшим физическим трудом. Но уже в XIX веке Февр отмечает существенные изменения, большое значение приобретает труд интеллектуальный, душевный, труд писателя, артиста, ученого, художника. Историк в этом ряду занимает не последнее место. Его функция состоит в фиксации, собирании, объяснении элементов и фрагментов истории, его задача написать «благодетельную историю труда».

Задачей данной статьи, таким образом, становится рассмотрение проблемы душевного труда, труда человека по собиранию родового, семейного архива как возможности сохранения человеческой памяти и обнаружения исторической истины. Заявленная проблематика может быть рассмотрена гораздо шире – если понимать всю историю как большой нарратив, то сама история есть архив, состоящий из огромного количества текстов, как официальных (вошедших в учебники, источники), так и возможных, потенциальных (записи, дневники, устные рассказы, мемуары). Автор исторической прозы становится архивистом, работающим с нарративами, создающим свой текст и сохраняющим память (следы) прошлого в настоящем.

Труд писателя-историка заключается в актуализации исторических текстов в современной жизни. В качестве примера вспомним интеллектуальную историческую прозу конца 1960 – 1970-х годов. Практически все писатели в этом контексте обратились к исторической проблематике из-за цензурных барьеров. История как тема позволяла Ю. Трифонову, Б. Окуджаве, Ю. Давыдову, В. Аксену, Д. Балашову писать о настоящих проблемах современности: поиске настоящего героя, нравственности, поступке или его отсутствии, предательстве, долге, истине. Разбирая архивы, документы, записи и дневники декабристов, народников, первых революционеров-террористов, жандармского управления, революционеров-большевиков, писатели-историки 1960 – 1970-х годов трудились над обнаружением и пониманием истины истории, ее нравственного, прогрессивного начала.

Мы попытаемся обнаружить и исследовать данную проблему на материале романов современного русского писателя Владимира Шарова, пишущего интеллектуальную псевдоисторическую постмодернистскую прозу. Историк по образованию, кандидат исторических наук, специалист по истории Смутного времени, глубоко разбирающийся в русской истории, Шаров создает в восьми опубликованных романах индивидуальную историософию. Историософская проблематика реализуется в мотиве воскрешения, который непосредственным образом связан с трудом восстановления, разбора, открытия, розыска, формирования родового архива.

В первом романе «След в след» сюжетные события предстают как движение след в след за исчезнувшими в хаосе русской истории представителями одного рода, постепенно из отдельных предположений, записок и свидетельств вырисовывается летопись рода, становящаяся и летописью XX века. Во втором романе «Репетиции» (1992) историк Сергей собирает архив исчезнувшей в недрах истории религиозной секты, просуществовавшей 300 лет в ожидании скорого пришествия Христа и репетирующей это пришествие. Романы «До и во время» (1993) и «Будьте как дети» (2007) разворачиваются как записи безымянных рассказчиков, фиксирующих историю русской революции и русской веры. Роман «Мне ли не пожалеть...» (1995) предстает как мемуары краеведа Алексея Леонидовича Трепта, описавшего создание, бытование и распад хора «Большая Волга», во многом подготовившего русскую революцию. Роман «Старая девочка» (1998) представляет собой дневниковые записи Веры Радостинной, свидетельницы создания социалистического государства, дневник Веры – это своеобразный архив русской революции и первых десятилетий советской системы. Романы «Воскрешение Лазаря» (2003) и «Возвращение в Египет» (2013) актуализируют поэтику эпистолярного романа, переписка персонажей не только раскрывает их внутренний мир и переживания, но и выстраивает историю идей, определяющих исторический процесс XX века. Как видим, романы Шарова могут восприниматься как многоуровневый нарратив, повествующий о сложностях, обстоятельствах, тайнах русской революции, о русской подпольной духовной культуре, определяющей, по мнению писателя, многие векторы

развития русской истории. Основная художественная стратегия Шарова строится на фантазмагорическом переосмыслении какого-либо события русской истории. Чаще всего, это событие русской революции 1917 года и ее последствия (гражданская война и политические репрессии 1930-х годов). Обратимся к рассмотрению двух из перечисленных романов писателя, в которых наиболее ярко и показательно реализуется проблема интеллектуального труда по собиранию родового архива, речь идет о романе «След в след» и «Воскрешение Лазаря».

Первый роман Шарова «След в след» писался в конце 1980-х годов и был опубликован в 1989 году в журнале «Урал». Роман «След в след» имеет подзаголовок, отсылающий к определенной жанровой традиции в мировой литературе: «Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах». Хроника (греч. *chroniká* – летопись, от *chronikós* – относящийся ко времени, к летосчислению), литературный жанр, содержащий изложение исторически достопамятных событий в их временной последовательности. В центре хроники – время как субъект исторического процесса, и судьбы и действия людей подчинены ходу времени [10]. Как художественный прием в романе, создание хроники рода Шейкеман-Крейцвальдов позволяет проследить судьбу четырех поколений одной семьи в историческом времени XX века и раскрывает: с одной стороны, проблему подчинения/сопротивления человека-индивида истории-времени; с другой стороны, проблему ценностных отношений между поколениями. Три составляющих элемента хроники (мысли, комментарии, основные даты) формируют два уровня сопричастности рода и человека историческому времени: это горизонтальный уровень (хроника событий, *основные даты* жизни членов рода) – вписанность рода в историко-социальный контекст русской жизни, проявление физической реальности истории в развитии рода; вертикальный уровень (*мысли и комментарии*) – вписанность рода в метаисторический контекст, проявление метафизичности истории, формирующей связи рода с бытием, Богом, памятью и прапамятью, определяющей историческое и экзистенциальное самосознание, родовую и индивидуальную ответственность. Данный уровень формирует и авторскую концепцию восприятия истории и места человека в ней.

Роман имеет сложную метатекстовую структуру, строится как ряд разнообразных текстов представителей рода, процесс собирания которых осуществляет последний представитель рода Федор Николаевич Голосов (Крейцвальд). Развитие проблемы душевного труда в романе обнаруживается в мотивах писания и чтения текстов как собирания следов рода, памяти о нем. Писание и чтение текстов – продуктов человеческой индивидуальной мысли – создают прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях. Обнаружить исчезающие ценности, пройти по следу рода, сформировать историческую память как личностное самознание – задача душевного труда повествователя романа, автора и читателя.

С одной стороны, архив Федора Голосова-Крейцвальда представляет собой собранные свидетельства о жизни и личности того или иного представителя рода, это горизонтальный уровень присутствия отдельного человека и семьи в историческом времени, собственно хроника. С другой стороны, в архиве есть тексты, созданные членами рода, это тексты-следы, по которым движется Федор Николаевич, а за ним и повествователь Сергей, в них зафиксированы мысли, комментарии, оценки, внутренний мир прадеда, бабушки, брата. В текстах обнаруживается вертикальный или метафизический уровень существования человека во времени, когда в мыслях и текстах проявляются отношения человека с Богом, историей, бытием. В контексте метафизического мышления меняется восприятие истории как линейного прогрессивного процесса и обнаруживаются тупики, загадки, повторы. Индивидуальные тексты не отменяют историческое событие-факт, но заменяют его собой, дают иную версию, иной смысл, иное толкование, предполагают иной ход события. Например, так происходит со старшим братом Сергеем, который, изучая историю народолюбивского движения, попытался использовать полученные знания и смоделировал «нечаевский сюжет» в обычных реалиях психиатрической больницы 1960-х годов.

Авторская стратегия обнаруживает постмодернистский скепсис по отношению к логике развития истории и попытку обнаружения доли исторической истины в свидетельствах людей, оставшихся за пределами официальной истории. Таким свидетельством времени и является хроника одного рода Крейцвальдов, на себе испытавшего разрушительную силу исторических событий XX века. Федор Николаевич Голосов (Федор Федорович Крейцвальд) становится единственным «звеном» рода, способным найти родовой след в истории. Во-первых, Федор Николаевич, ощущая невольную вину перед родителями и одиночество, попытался восстановить историю, опыт, знания, мысли рода в документально-хроникальных записках, где каждому представителю рода отводится своя папка, свое место. Во-вторых, Федор попытался вступить в диалог с предками, прадедом и отцом, сочиняя роман о семье, повторяющей судьбу Крейцвальдов во времени и истории XX века. Федор как писатель проявил редкую изобретательность, создавая, достраивая в сознании и тексте свои отношения с родными, которых он не знал и не помнил. Его тексты (рассказ «Важное задание», роман «Путешествие Джона Крафта», глава «История моего рода», эссе «Семейная революция») часто заменяют или подменяют обстоятельства жизни реальных родных, позволяют обрести ощущение памяти, понимание себя частью большого рода. «Его близкие все гуще окружают и защищают его, и он перестает быть тем одиноким и ото всех отошедшим человеком, каким был в жизни. Он становится частью длинной-длинной семьи, такой большой и сильной, что пресечь ее не могут ни гонения, ни смерти» [4, № 7, с. 59]. Таким образом, занимаясь писательским трудом, моделируя художественный мир своих текстов, выстраивая схемы, каркасы, острова, народы своего мира, Федор создает новую реальность своего рода, преодолевающего смерть, ис-

чезновение, обретающего слово. Так проявляется авторская стратегия, исходящая из постмодернистского ризоматического письма. Тексты Федора не только заменяют ему утраченную реальность («мир как текст»), но и позволяют восстановить память, обрести духовный опыт, открыть часть истины, скрываемую историей. Текст предстает комментарием реальности, в котором проявляется понимание человеком своего места в истории и бытии. Жизнь представителя рода как индивида, взятая отдельно, по мысли автора, пропадает в беге времени, не оставляя после себя видимого следа (можно не найти могилу, потерять документы). Отдельную жизнь не поймешь, так как она слишком коротка. Но жизнь всех членов рода и на горизонтальном, и на вертикальном уровне присутствия человека в истории формирует понимание русской истории, где общеисторические события приобретают смысл через интерпретацию тех же событий в жизни рода.

Роман «Воскрешение Лазаря» строится не как изложение развивающихся событий, а как ряд текстов, писем, написанных отцом к дочери в течение 1994 года. Автор писем безмянен и выступает не только как свидетель, но и как посредник, рассказывая о ставших ему известными событиях. Можно утверждать, что именно он восстанавливает сюжет жизни и мысли братьев Кульбарсовых, чуть не повторивших, по его мнению, судьбу Каина и Авеля в XX веке. Как читатель и интерпретатор чужих текстов повествователь совершает огромный труд, воскрешая остальных действующих лиц, воссоздавая в тексте другие жизни с правом на собственный голос. В романе создаётся многоуровневая структура «тексты в тексте»: повествователь цитирует найденные письма Николая Кульбарсова – философа-самоучки, стремившегося воскресить Россию; воспроизводит устные рассказы своей тетки Галины – келейницы отца Феогоста (Федора Кульбарсова) и её предшественницы – Катерины Колпиной; приводятся письма самой Кати Колпиной к своей двоюродной сестре и жене Николая Кульбарсова – Наталье Колпиной; переписка Натальи Колпиной с подругой Ниной Лемниковой; повествователь записывает рассказы встреченной на кладбище Ирины об её отце, Серегине; приводятся конспекты найденных работ Серегина; упоминается книга рассказов писателя Моршанского, ученика Серегина и друга отца повествователя; в интерпретации Николая Кульбарсова пересказываются тексты Библии, Федорова, Толстого; приводится в финале письмо Халюпина, последователя Толстого и Кульбарсова. В соединении текстов обнаруживается не только связь судеб разделенных во времени людей, возникает образ исторической связи идей, восстанавливающейся усилиями людей, ищущих смысл своего времени и вынужденных обращаться к духовным авторитетам прошлого. Анонимный повествователь пытается представить историю как общение между людьми разных поколений и опирается на иудейскую концепцию истории рода как исполнения высшего предназначения, которое не может исполнить один человек. Повествователь ссылается на Пятикнижие Моисеево, где пятую часть занимают родословные таблицы, и по ним видно, что откровение Господне открывалось и

передавалось от отца к сыну, от деда к внуку. «Богу приходилось терпеливо ждать, когда человек, услышав благую весть, хотя бы отчасти поймет её правильно, когда из его слов будет толк, а не море крови, пролитой с верой, что Господу она угодна» [5, с. 7]. История предстает как процесс постижения Слова Господнего, обретение человеком ответственности и нравственных ориентиров. Передача этих знаний ведется в координатах рода, отступление одного звена ведет за собой распад всей цепочки. Сам повествователь пытается восстановить звено связи с отцом, но затем, посредством интерпретации писем, рассказов, текстов других людей, он выходит к мысли о труде воскрешения как о выстраивании памяти, как об обретенном знании о многих людях, что гораздо осуществимее, нежели познание и сохранение абсолютной истины Бога: хотя тексты людей свидетельствуют о множественности истин, ни одна из них не может претендовать на якобы сохранённую абсолютную истину Бога, что и позволит бесконечно искать истину, а не имитировать владение ею. Сошлемся на несколько примеров, позволяющих показать, как повествователем осуществляется процесс духовного воскрешения человека и памяти о нем.

Являясь последователем учения Н. Федорова, повествователь предполагает воскресить своего отца (Лазаря), восстановить жизнь отца с помощью текстов, хранящих свидетельства о его жизни. Но это намеренье корректируется после знакомства повествователя с архивом своего отца, его письмами, неопубликованными художественными текстами и неоконченными набросками, материалами к истории генетики в России, над которой отец работал в 1972 году и куда отдельными конспектами входят рукописи толстовца Халюпина. Кроме того, в саквогже сестры отца, тетки Галины, повествователь обнаруживает письма Николая и Федора Кульбарсовых, письма Кати и Наты Колпиных, Нины Лемниковой, дневник Коли, рукопись книги Давида Моршанского и конспекты статей Серегина. Эти люди прожили свои жизни не так, как хотели, поэтому тексты, оставшиеся от них, необходимо воспринимать как воплощение их планов и мыслей, как воплощение возможной жизни. Читая чужие тексты, идя по их следам, повествователь не только выстраивает возможную историю идей в России XX века (от утопических проектов Федорова, Толстого до практических опытов большевиков, попытавшихся без теистического руководства построить Царство Небесное на земле), но и восстанавливает память о людях, возвращает им жизнь. Это касается найденных философских работ приват-доцента Серегина, без следа сгинувшего в лагерях Колымы, найденной рукописи книги Давида Моршанского, в 58 главах которой он воскрешает судьбы многих исчезнувших людей, найденного трактата мичуринца и толстовца Хаюпина, селекционировавшего райское древо познания добра и зла. Так в романе моделируется сюжет о безграничных возможностях душевной и духовной работы по возвращению памяти как неперемного элемента человеческого бессмертия.

Итак, переходя к выводам, отметим, что В. Шаров вводит в романы постмодернистский дискурс воспри-

ятия реальности и истории как незавершенного текста, предполагающего множественную интерпретацию. Чтение и восприятие текстов дает толчок индивидуальной душевной работе индивида, который обнаруживает скрытые тексты-следы, чтобы вернуть образы безвозвратно потерянных людей и их судьбы. Как указывает сам писатель в интервью: «В рамках рода идет наследование – и удач, и неудач, и какого-то опыта жизненного. Это внутренний диалог, некая вертикальная жизнь. Она очень ярко была выражена в свое время у дворянства, которое знало всех своих предков. <...> они знали, что на них жизнь не кончается, они оставят детей, племянников, род будет длиться, и они соединяли времена и пронизывали, для них история была живая. Никто из них не прожил жизнь так, как хотел, но это была история конкретных людей. <...> Жизнь в роде была одной из самых основных составляющих отношения человека к этому миру» [6, с. 196]. История XX века уничтожила целые роды, судьбы, следы о людях. Шаров в своих произ-

ведениях пытается смоделировать возможные нарративы исчезнувших жизней и сознаний. Поэтому герои романов трудятся, обнаруживая тексты и записки, читают и воскрешают, восстанавливают уничтоженные слова. Столкновение в индивидуальном сознании множественных точек зрения на мир, на целесообразность и способы сохранения прошлого, обнаруженные в документах, позволяет прийти к пониманию, что процесс воскрешения имени человека, его жизни и места в истории связан с бесконечным духовным процессом обретения памяти о прошлом («история, по моему мнению, движется духовными импульсами») [7]. В этом смысле авторский постмодернистский скепсис размыкается в романах в сюжет воскрешения слова, судьбы, имени. Так, по мнению писателя, появляется субъективный комментарий к обширному документально-историческому нарративу, обнаруживающему глубинную народную духовную историю.

Литература

1. Арентдт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Система нравственности. URL: <http://hegel.rhga.ru/filosof/estet/> (дата обращения: 10.06.2014).
3. Матиенко Е. А. Труд как диалектическое единство свободы и творчества в формировании социальной и индивидуальной субъектности человека: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Горно-Алтайск, 2004.
4. Шаров, В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах): роман // Урал. 1991. № 6 – 8.
5. Шаров В. Воскрешение Лазаря: роман. М.: Вагриус, 2003. 336 с.
6. Шаров В. «Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком». Беседу ведет Н. Игрунова // Дружба народов. 2004. № 8.
7. Шаров В. «Что случилось с историей? Она утонула». Беседа с Д. Быковым // Русская жизнь. 2007. № 3 (8 июня). URL: http://www.intelros.ru/readroom/rulife/080607/772dmitriij_bykov_chno_sluchilos_s_istoriej_ona_utonula.html (дата обращения: 10.06.2014).
8. Февр Л. Труд: эволюция слова и понятия // Бои за историю. М., 1991. С. 364 – 371.
9. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1987.
10. Эпштейн М. Хроника // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (дата обращения: 10. 06. 2014).

Информация об авторе:

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, asheulova@mail.ru.

Irina V. Ashcheulova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.06.2014 г.